

ПАРИЖСКИЙ

SAMEDI, 20 MAI 1944.
20 мая 1944 года

LE COURRIER DE PARIS
HEBDOMADAIRE

„Pariser Beobachter“ -

„Parijsky Vjestnik“
Еженедельная русская газета,
выходящая по субботам.

ВЕСТНИК

2 frs. № 100

Издание Управления Делами Русской Эмиграции во Франции

Среди казаков

„Бесы“

Давно не приходилось мне беседовать с читателями «Парижского Вестника»: с моего отъезда из Парижа, в конце января с. г. Теперь пользуюсь случаем, чтобы поделиться с вами впечатлениями от моей поездки в 1-ю казачью дивизию, лихо расправляющуюся с большевистскими шайками бандита Тито.

10 апреля прибыл я в расположение дивизии, радушно принявший работниками ее культ.-пропагандного взвода. Среди них пашел старых соратников по работе в Крыму: редактора «Казачьего Клича» Безкровного и писателя-кубанца В. Кабанова.

В первый же день познакомился я с генералом А. Г. Шкуро, который среди вырвавшихся от многолетнего ига большевизма казаков является символом той борьбы, которую еще в 1918-20 годах вело казачество против советских насилиев.-Работа ген. Шкуро является лучшим ответом жидовским клеветникам, уверяющим, что, так называемый, «белым» генералом нет места в наших рядах. Нет, верьте мне, честному борцу против большевизма, как ген. П.Н.Краснов, кубанский атаман Науменко, ген. Шкуро, да, да, все возможности, и они активно участвуют в борьбе за освобождение России от жидовского ига.

Первым я посетил лихой донской полк подполковника Кононова, состоящий сплошь из бывших советских командиров и казаков. Подполковник еще в 1941 г. со своей частью перешел на сторону Германской армии, из небольшой единицы создал образцовый полк, бившийся, стремясь к стемени, с немцами против красной армии на восточном фронте, а затем против шаек Тито. Украшенный Железным крестом, подполковник Кононов целый вечер говорил мне о боевой жизни своего полка. На другой день, 14 апреля, мы обехали с ним раскинутые по лесам части его полка. Везде я беседовал с молодцами-казаками.

Неизгладимое впечатление произвела на меня пасхальная заутреня в походной церкви одной казачьей части. Господь привел меня, в неустанных поездках по Европе, встретить Его Воскресение в боевой обстановке, среди храбрых русских людей, с оружием в руках разгоняющих тьму большевистского безбожия.

На второй день Пасхи я выехал в Терский полк. С конвоем из 10 козлых казаков, на тачанке, по живописным горам, покрытым свежей весенней растительностью, обехала я его сотню, увлеченно участвующие партизанские гнезда. В предвечерней горной долинке я провел вечер в крестьянской избе в воспоминаниях о

Париже с ротмистром Начирбековым.

Среди новых знакомств, неизгладимое впечатление производит терский атаман, подполковник Николай Лазаревич Кулаков. Дойдя, в дни гражданской войны, из рядовых казаков до есаула, он, в 1920 году теряет в боях обе ноги и, при эвакуации с Кавказа, вынужден остаться. Его спасла от неминуемого расстрела жена, но какой ценой? 12 лет (с 1920 по 1932 г.г.) скрывался он в подвале небольшого домика на окраине Ессентуков. Дряхлым, безногим стариком, вышел он в 1932 году из подвала, и, благодаря этому увечью, прожил еще десять лет, нетронутый большевистскими пачаками.

С приходом германской армии безногий старик неузнаваем: он организует терскую сотню и по-лицию, заказывает себе протезы на обе ноги, что облегчает ему участие в нашей борьбе против большевизма. Сейчас он вошел от терцев, наряду с ген. Науменко, от кубанцев и полковником Павловым от донцев, в возглавляемое атаманом ген. П. Н. Красновым Управление казачьих войск при германском верховном командовании.

Мне хочется отметить одну черту в характере этого старого терского казака. Он жаловался мне, что плохо сделанные в 1942 году в Ессентуках протезы причиняют ему боль; его приглашают в Берлин, где за месяц ему сделают безукоризненные протезы, но он это отклонил, считая, что сейчас, в разгар боевых операций, ему не следует оставлять свой родной полк, и, прощая меня, 20 апреля, он прихрамывая на своих плохо пригнанных протезах.

При объезде раскинутых по горам частей Сибирского казачьего полка, с 21 по 24 апреля, мне было от радно беседовать с рядовыми казаками из далекой Сибири. Многие из них, проживая жизнь вроде моей: тюрьмы, концлагеря, ссылки, прошли через фронт, чтобы биться плечом в плечу с немцами против большевизма. Они не меньше меня уверены, что германское оружие освободит от жидовского ига не только Дон, Кубань и Терек, но и их далекую родину. Любый приамурец, уссуриец, семиреченец готов уничтожить в любом конце Европы большевистскую нечисть, зная, что тем самым он приближает час, когда вернется в родные края, свободные от сталинских приспешников; вернется на коне, с оружием в руках, гордась тем, что стал союзником Германии в этой великой борьбе.

Среди кубанских частей, с 24 по 29 апреля, я видел тот же боевой дух. Среди них столько интеллигентных людей, что их не упоминаю

в короткой статье. Хочется упомянуть отца Андрея Кривенко. Он с 1928 по 1937 г.г. провел на лесозаготовках в тайге, отбывая ссылку в Елисейском крае. Вернувшись, в 1937 году, он, счетовод совхоза, скромно жил с семьей; в марте 1941 года его выселяют; он скрывается, работает на рыбных промыслах Приазовья, встречает там германских освободителей, 2 года просвещает словом Христовым оледеневшие за годы большевизма сердца колхозников азовских степей, и теперь делит с ними боевые тяготы, которые ему кажутся пустяком после пережитых по ссылке и этапам мытарств.

Каждый казак, пройдя 23-24 года советского ярма, является не только борцом против большевиков, которых уничтожает всеми видами своего оружия, но и пропагандистом среди одурелого населения этого края. Он поднимает на смех крестьянина, владеющего 5 лошадьми да 10 коров, который, в неспешной жалостливости, воображает, что Сталин еще приумножил бы, путем грабежа, его благосостояние. Узнав от казаков, стоящих на постое, про колхозы и стахановщину, юго-западные славяне понимают смысл нашей борьбы и желают нам успеха, утешая казака крепкой «ракой» или «сливовицей».

Сейчас я снова среди донцов. В небольшом селе, в нескольких километрах от пританых в лесах остатков разбитых казаками партизан, беседуя с ними о далекой, но милой сердцу, родине. С ротмистрами Дружинным и Вороновым, вспоминаем Париж и «Парижский Вестник», раскинутых по Франции русских людей, из которых еще многие не понимают тех казаков, которые, после долгих лет эмиграции, снова сели на боевые коней и предпочитают балканские бивуаки парижским бивуакам, которым сотня вырвавшихся год-два назад из сталинских лап казаков ближе и роднее не только волновавших их кровь парижанок, но и эмигрантских споров о методах спасения родины за стаканом французского вина...

Вы спросите меня о боевых действиях казаков. Сейчас еще рано много о них писать. Ограничусь официальной справкой: за дни моего пребывания в дивизии казаками в разных боевых операциях убито 2,672 большевика, взято в плен 1,413 человек. Предвидя неизбежный крах Тито, а за ним и самого Сталина, свыше 400 партизан добровольно явились с повинной.

Заканчиваю эту статью в избе за столом у гостеприимного ротмистра Островского, проделавшего добровольцем, в рядах итальянской дивизии, поход 1942 года до

...но одно или два поколения разерата несмышленого, подленького, когда человек обращается в гадюку, трусливую, жестокою, себялюбивую мразь — вот чего надо...
Ф. М. Достоевский

Более семидесяти лет прошло с момента выхода в свет гениального произведения Ф. М. Достоевского «Бесы». В этом романе блестяще разрешена одна из наиболее трудных и сложных проблем литературы — создание выдающегося художественного произведения и одновременно острого памфлета.

Русская литература может по праву гордиться несколькими выдающимися образцами художественного тенденциозного памфлета: «Горе от ума», «Ревизор», «Мертвые души», — бессмертные произведения подобного рода.

Идя по пути, намеченному Грибоедовым и Гоголем, Ф. М. Достоевский разрешил вопрос художественного памфлета по новому. В «Бесах» он дал жизнь не в статике, как у Грибоедова и Гоголя, а в ее динамическом развитии. Более того, гениальный прозорливец, Достоевский в этом романе с исключительной художественной силой вскрыл неизбежную трагическую судьбу русского народа и России.

Роман «Бесы» вышел, как раз в тот исторический момент, когда, в результате ложно избранного го пути, интеллигенция неумолимо, роковым образом, вступала в эпоху своего нравственного распада.

Масонство, а через него и мировое иудейство к этому времени уже успело растлить души и сердца тех, кто был призван быть пастырями народа.

К 60-м годам XIX столетия, в эпоху пресловутого хождения в народ, подавляющая часть русской интеллигенции была расквасив отравлена нигилизмом и утилитаризмом.

Интеллигенция глубоко верила, что только путем разрушения вековых моральных устоев народа возможно его освобождение и возрождение.

Международное еврейство устало русской интеллигенции наносило жесточайшие удары национальному самосознанию народа. Христианская вера, семья, брак, крепкая государственная власть, традиция, национальная культура — все было взято под обстрел.

Но для огромного подавляющего большинства общества весь ужас этого кризиса не был понятен. Один из немногих, Достоевский, в силу своего исключительного таланта, сумел увидеть, что

Калача и представленного с другими отличившимися казаками, в начале 1943 года дуче Муссолини.
Проф. С. Гротов,

вместо «разумного, доброго, вечного» в народе стали появляться ростки дьявольских павел. В беспощадных, потрясающих образах романа он вскрыл перед обществом бездну, в которую стремился под руководством лжепастыря русский народ.

В «Бесах» Достоевский развернул изумительную картину нравственного развала интеллигенции, дав в исключительно ярких образах целую галерею ее типов.

Старый профессор Степан Трофимович Верховенский, писатель Кармазинов стали как бы предтечей той группы интеллигенции, которая к концу XIX века выродилась в так называемых «чеховских интеллигентов». Дряблость воли, непротивление злу, беспомощность и растерянность перед надвигающейся грозной социальной катастрофой, — отличительные черты этой группы.

Николай Ставрогин, Кириллов, Шатов, — как бы прообразы той части интеллигенции, которая, ужаснувшись делами своих рук, порвала с народом, пытаясь, либо уйти из жизни, либо отгородить ся от мира китайской стеной абстрактной философии и «чистого искусства».

Николец, в лице Петра Верховенского в романе дан потрясающий по омерзительности образ той небольшой части интеллигенции, которая впоследствии, выдвигая ряд профессионалов-демагогов, обрела весь народ на целые четверть века неслыханных страданий и ужасов.

Пророческим даром Достоевский почти за полвека вперед предвидел методы, пути и цели, тех, кто доставил кровавое торжество коммунизму на одной шестой части земного шара.

Прообраз коммунистического строя дан в полубредовой теории одного из членов конспиративного кружка Петра Верховенского — Шигаева.

«Шигаевщина» — это типичный коммунизм во всей своей красоте. Шигаев утверждал, что «выходя из безграничной свободы, я заканчиваю безграничным деспотизмом». По мысли этого маниака только одна десятая людей получает свободу личности и безграничное право над остальной девятой десятими. У Шигаева каждый член общества «обязан доносить друг на друга, каждый принадлежит всем и все каждому». Все рабы и в рабстве равны. «Необходимо понизить уровень образования, наук и талантов. Без деспотизма еще не было свободы, ни равенства, но в стаде должно быть равенство...» Шигаев требовал полного послушания, полной безличности и, в качестве средства отвращения от неутоленных мыслей, предлагал переродиться, устраивать в народе «судороги» (сравните — коллективизация, процессы вредителей, чистки, массовые аресты, расстрелы и т. д.).

Петр Верховенский, подобно современному коммунизму, пытался претворить «шигаевщину» в жизнь. Он устраивал смуту в городе, организовывал погромы и убийства, кровью и террором укреплял подпольные «ятерки» (прообраз большевистских ячеек). У него была только одна цель — власть и власть во что бы то ни стало, все средства и пути для этого были хороши. Подлая интрига, клевета, шантаж, разращение народа, пробуждение в нем худших низменных инстинктов — неисчерпаемый арсенал для этого.

Неумудрено, что при советском режиме Достоевский был далеко не в почете.

Заговор молчания 25 лет окружал гениальнейшего художника земли русской и только сейчас настало время вновь воспринимать народ и в первую очередь подрастающее поколение на богатейшем наследии писателя, глубоко врывающегося, что только горячая и простая искренняя вера, стремление ко всему прекрасному и чистому, к подлинно-русскому национальному, могут вывести его Родину на правильный и светлый путь. Георгий Инсаров (РОА).

ли» 17). Его мысль вполне разделяет раввин Маймонид, этот орд синагоги, когда говорит: «Повелевается умерщвлять и бросать в ров изменников из среды еврейского народа и еретиков таких, как Иисус из Назарета, и Его последователей» 17). В трактате Абода Цара говорится, что каждый иудей имеет право устремляться на христиан и убивать их вооруженною рукою. Но в тех случаях, когда иудей достигли бы политического могущества и взяли бы в свои руки все функции государственной жизни, они должны предать всех христиан смерти под каким либо предлогом 19).

XI. Талмуд есть открытый призыв к клятвопреступлению

Ради достижения этого могущества, Талмуд разрешает евреям клятвопреступление. В Талмуде имеется следующий рассказ — Равби Иоханан пользовался доверием одной дамы, которая доверила ему большой секрет под великой клятвой, что он его никому не расскажет. «Я не отифоу это-

го секрета и Богу Израилья», — ответил ей раввин. Дама ему похвалила, но рабби Иоханан про себя прибавил: — «Богу Израилья я не открою секрета, но народу израильскому открою» 20). Талмуд очень восхваляет эту избрительность раввина. Раввин Акиба рекомендует евреям — когда они дают клятву не еврею, то про себя должны говорить — «эта клятва не имеет значения» и тогда их совесть будет спокойна 21). Но когда еврей совершит какое либо большое преступление, а другой еврей будет привлечен в качестве свидетеля против него, то этот последний может дать ложную клятву, пользуясь указанной оговоркой про себя, чтобы оправдать своего брата 22). Вот пример еврейской клятвы, — король из числа гоев требует от еврей, чтобы он поклялся, что он не уйдет из его страны, еврей должен сказать про себя: — «Сегодня я не уйду, король требует, чтобы еврей поклялся, что он никогда не убежит, еврей должен про себя сказать: да, но при таком-то условии, потом выбрать какое-нибудь невозможное условие, например, если король сегодня не будет кушать 23). Таким спосо-

бом евреи могут нарушать всякую свою клятву и сохранять свой козливые совести».

Епископ саратовский и царицынский Алексий

«Мы привели целый ряд свидетельств из Талмуда, доказывающих ту злобу и неискренность, какими евреи проникнуты к гоим (не евреям)», — писал Епископ саратовский и Царицынский Алексий, писал для церковных кругов, а не для широкой публики, в приложении к «Церковным Ведомостям» № 44, писал задолго до революции еще перед 1-ой Мировой войной, в 1913 году, когда необходимость борьбы с еврейством была почти совсем не осознанной. А, между тем, данные этой исключительной статьи давали такую широкую возможность к более пристальному наблюдению за антигосударственной, антиморальной, антихристианской и человеконенавистнической, грязной работой евреев в России.

Вчитываясь в исследование Талмуда, сделанное Епископом Алексием тогда, мы можем познать теперь подоплеку всей богоборческой сущности иудо-коммунистической власти в России, и происхождения всей бесчеловечной сущности и кровожадности Чека. Вдумываясь в строки Епископа для нас становится понятной вся еврейская сущность советской власти, ибо гекатомбы русских

жертв большевизма явились прямым следствием талмудических тенденций Израилья в России. Это для нас ясно сейчас. Но изучение Талмуда должно было вызвать самооборону нации от еврейской инфекции еще тогда, когда, с такой простотой, но и такой очевидностью нам поведал о том русский смиренный Епископ.

Мы пишем об этом для того, чтобы люди слепорожденные в еврейском вопросе и слепые до сих пор в этом отношении, подумали бы о еврейской опасности хотя бы сейчас, когда душа Иуды видна в еврейском воспитании, мироощущении и вере из объективного, бесхитростного анализа морали Талмуда. Ибо народ, создавший такую веру, имеющий, сохраняющий и исповедующий такую безнравственную, аморальную, злобствующую и жестоко-кровожадную религию есть народ безнравственный, аморальный, злобствующий и жестоко-кровожадный, народ, представляющий собою моральную, социальную и политическую опасность для всех других народов.

Антисемитизм не есть политическая доктрина. Антисемитизм есть народный рефлекс самообороны. Более того: антисемитизм есть проявление инстинкта самосохранения нации, ставшего жизненной необходимостью.

Н. В. Пятницкий

16) Aboda Zara, fol. 17 a.
17) Комментарий на «Исход». (Изд. Амстердамское).
18) Jah. Chaz. hilch. Adora Zara, perek 10.
19) Jore Dea, 158. Choschen Mischat, 425.

20) Тракт. Aboda Zara, fol. a8 a.
21) Тракт. Galla, 2.
22) Jore Dea, CCXXXII, 12, 14.
23) Hagahoth Aschari.